

Осведомленность в истории своей семьи как фактор психологического благополучия в подростковом возрасте

Я. А. Бондаренко, студент, Московский городской психолого-педагогический университет, mail_93@mail.ru

Т. В. Якимова, кандидат психологических наук, Московский городской психолого-педагогический университет, tyackimova@yandex.ru

---

В статье приводятся результаты исследования связи психологического благополучия подростков с их осведомленностью в собственной семейной истории. Дается краткий обзор основных направлений и отдельных эмпирических исследований влияния семейной истории на психологическое благополучие личности. В представленном исследовании делается акцент не на патологизирующем влиянии семейной истории, а на ее ресурсности и поддерживающем эффекте при прохождении сложностей подросткового возраста. В исследовании приняли участие 32 подростка. Эмпирическая часть исследования построена на основе данных, полученных с помощью специально разработанной анкеты, выявляющей особенности связей подростка с членами расширенной семьи и его знания семейной истории. Также на подростковой выборке был применен опросник психологического благополучия К. Рифф. Выявлено, что подростки, знающие свою семейную историю, проявляющие интерес к ней и поддерживающие связи с представителями расширенной семьи, характеризуются высоким уровнем психологического благополучия.

Ключевые слова: семейная история, теория семейных систем М. Боуэна, психологическое благополучие, подростковый возраст.

Динамичность и вариативность института семьи в культуре XX и XXI веков, а также значение семейных факторов для развития личности и ее особенностей обусловили всплеск исследовательской активности в отношении самых разных аспектов феномена семьи. Один из таких аспектов – вклад семейной истории в психологическое состояние личности.

Семейная история является одним из важнейших компонентов окружающего контекста, в котором развивается личность. В частности, она связана с передачей из поколения в поколение специфических для каждой семейной группы паттернов взаимодействия, которые могут препятствовать или способствовать благоприятному существованию, развитию, как всей семьи, так и ее членов в отдельности [3]; [11]; [12]. В исследованиях, посвященных семейной проблематике, было показано, что знание, сохранение и критичное отношение к собственной

семейной истории – один из факторов, влияющих на уровень психологического благополучия и определяющих выбор жизненных стратегий, семейных, профессиональных, личностных [2]; [5]; [7]; [8]; [9]; [10]; [12]; [14].

В настоящее время средняя городская семья характеризуется все большей нуклеаризацией, что сопровождается уменьшением или даже утратой контактов и связей с представителями расширенной семьи, что, в свою очередь, может сопровождаться снижением интереса к истории собственной семьи и даже ее незнанием. Целью представленного ниже исследования было выявление связи между уровнем психологического благополучия подростков с их когнитивной репрезентацией собственной семейной истории. Его уникальность определяется, прежде всего, тем, что в нем рассматривается ресурсный, поддерживающий аспект семейной истории.

Семейная история как фактор психологического благополучия

Влияние семьи на развитие личности исследуется в психологии с начала XX века как важнейший фактор социализации и индивидуации личности, но, в основном, с акцентом на ее патологизирующем влиянии (З. Фрейд, А. Фрейд, Н. Аккерман, Ф. Дольто и т.д.). Сначала влияние семьи изучалось односторонне, с точки зрения воспитательных воздействий родителя на ребенка (модели стилей воспитания) и характера эмоциональных связей между родителем и ребенком, где под родителем подразумевалась, прежде всего, мать (Дж. Боулби, Р. Шпиц).

С распространением идей системного подхода к пониманию семьи появилась возможность выявить и учесть влияние множества семейных процессов на развитие конкретной личности. Важным шагом в разработке системного подхода стало изучение вклада предшествующих поколений в актуальную семью и концептуализация понятия «семейная история». Семейная история определяется как способ организации жизненных событий, внешне проявляющийся в стереотипах поведения, которые воспроизводятся из поколения в поколение [15].

Одним из первых исследователей, обратившихся к изучению межпоколенческой передачи, был М. Боуэн [3]; [4]. Ключевыми идеями его теории семейных систем были идеи наличия у человека (в отличие от животных) двух адаптационных механизмов – эмоциональной и интеллектуальной систем – и степени их дифференцированности друг от друга. Эмоциональная система, свойственная многим живым организмам и являющаяся автоматически реагирующей, проявляется в стратегиях избегания, слияния и т.д. в ситуациях опасности. При достаточной дифференцированности двух систем друг от друга человек является менее реактивным, более критичным, рефлексивным и, как следствие, более резистентным по отношению к стрессовым ситуациям.

Все концепции теории семейных систем М. Боуэна (концепции триангуляции, эмоциональных процессов в ядерной семье, эмоционального разрыва и пр.) описывают типичные варианты автоматического, эмоционального реагирования на

ситуации, связанные с высоким уровнем тревоги и напряжения. Концепции являются взаимодополняющими, вытекающими из основной идеи дифференциации Эго и семьи, а также все они важны для понимания процесса **межпоколенческой передачи** (трансгенерационный процесс). В концепции межпоколенческой передачи акцент делается именно на том, что в стрессовых ситуациях, при снижении уровня дифференциации, люди склонны действовать так, как делали предыдущие поколения их семьи.

Большой интерес представляет исследование семей в трех поколениях, проведенное в нашей стране Э.Г. Эйдемиллером и на эмпирическом материале иллюстрирующее идеи трансгенерационного подхода М. Боуэна [15]. В нем показано, что невротические и психопатические расстройства у подростков являются результатом передачи и накопления конфликтов между представителями нескольких поколений семьи. В исследовании подтверждена идея Боуэна о том, что адаптивные возможности личности и семьи в случае, когда они не поддерживаются и не становятся ценностью, имеют тенденцию к убыванию от поколения к поколению – от родителей к внукам (системный закон энтропии).

Вклад других представителей системного подхода – **Миланской школы** – в исследование феномена семейной истории связан с изучением семейных мифов [4]; [8]. Семейный миф – это эксплицитное знание, сформированное в семье как защитная реакция на неблагоприятную ситуацию. Семейный миф содержит в себе определенные ценностно-значимые правила поведения, которым должны подчиняться все члены семьи для сохранения ею психологического равновесия. Он формируется на протяжении жизни нескольких поколений и выполняет функции защитного образования, сохраняющего основы семейной идентичности и связности.

В основе концепции психогенеалогии А.А. Шутценбергер лежат идеи представителей разных психологических направлений: «бессознательное» (З. Фрейд), «коллективное бессознательное» (К.Г. Юнг), «невидимые лояльности» (И. Бузормени-Надь), понятие «социального атома» (А. Морено). А.А. Шутценбергер предположила, что повторяющиеся семейные события могут наблюдаться на протяжении многих поколений, несмотря на то, что они даже не упоминаются и не обсуждаются членами семьи. Когда тот или иной факт осознанно или неосознанно умалчивается в семье, превращаясь в семейную тайну, он все равно улавливается ребенком и становится для него психологическим событием, обуславливающим то или иное поведение [14]. Это явление она объясняла через понятие «психологические энграммы» – образы эмоционально насыщенных событий, психофизиологические корреляты, связанные с бессознательными процессами, транслирующимися из поколения в поколение. В понимании Шутценбергер семейная история связана, прежде всего, с **семейной тайной** и с невербальной коммуникацией, приводящей к запечатлению эмоционально-насыщенных процессов и событий.

В. Де Гольжак, связывая семейную историю с семейной идентичностью, подчеркивал, что принятие подростком собственной семейной истории, включение в нее, является довольно драматичным, эмоционально трудным процессом. Развиваясь, ребенок начинает подмечать недостатки своих родителей, которые давят на него и вызывают комплекс неполноценности (что отражено в понятиях «семейный роман» и «социальные проблемы»), в результате чего семейная история

оказывается для подростка тяжелым грузом, от которого он хотел бы избавиться. Отказываясь от своей истории, человек не находит места в семейном порядке. Разрыв (часто эмоциональный) со своим родством не проходит бесследно, а проявляется как непрерывное повторение семейного сценария [5]. Такое явление автор называет *«генеалогический тупик»*.

Как видно из этого небольшого обзора, семейная история – очень многозначное понятие. В книге О. А. Карабановой оно определяется с совершенно другой стороны – как сознательно передаваемый *образ семьи*, выражающийся в предметно-оформленных явлениях, к которым относятся семейная автобиография, семейные реликвии, фотографии, семейные имена [6].

Таким образом, феномен семейной истории имеет место не только как научный и абстрактный конструкт, который удобен для описания процессов, происходящих в семье, но и как видимое явление, проявляющееся в паттернизации событий. Семейная история интенсивно изучается с середины двадцатого века, в основном, в двух направлениях – системно-ориентированном и психоаналитически ориентированном. Механизмы трансляции опыта из поколения в поколения описываются в каждом из них согласно теоретическим воззрениям авторов. В одном случае этот процесс запускается эмоциональной реактивностью, в другом – через замалчивание, утаивание или через непринимаемые идентификации, связанные с желанием забыть свою историю.

В большинстве случаев семейная история изучается на примере клинических случаев из психотерапевтической практики, в которой, прежде всего, оценивается патологизирующий вклад истории семьи в развитие личности. Такой подход во многом перекрыл рассмотрение ресурсных и поддерживающих аспектов семейной истории.

Несмотря на то, что феномен семейной истории в мировой психологии изучается довольно давно, в нашей стране подобные исследования пока представлены недостаточно. При этом хотелось бы отметить именно ресурсный аспект семейной истории, отраженный в отечественных исследованиях.

Например, в исследовании К. Бэйкер и Ю. Б. Гиппенрейтер, проведенном на материале семей, имеющих репрессированных родственников, была показана значимость сохранения родственных связей и знания семейной истории [2]. Один из ключевых выводов этой работы состоит в том, что в ситуации сокрытия каких-либо событий, а в данном случае – факта репрессии, у старших поколений присутствует постоянная тревога и страх, которые улавливают дети. Эти чувства присутствуют всю их жизнь и переносятся в свои семьи, снижая уровень функционирования и психологического благополучия. Напротив, представители последующих поколений в семьях, сохраняющих историческую память, характеризуются большей жизнестойкостью, личностной уверенностью и психологическим благополучием. В подобном ключе выполнены и другие отечественные исследования [9]; [10].

Подростковый возраст и семейные факторы психологического благополучия

Подростковый возраст отмечается большинством исследователей как один из самых сложных и драматичных этапов в развитии личности. Среди многочисленных трансформаций возраста наиболее важными для представленного исследования являются следующие две.

Во-первых, качественные изменения когнитивной сферы, центром которых становится интенсивное развитие формально-логических операций (Ж. Пиаже), благодаря чему ребенок получает возможность познавать себя и окружающий мир с помощью обобщений абстрактного уровня.

Во-вторых, изменение семейных и социальных связей, во многом обусловленное когнитивным развитием подростка. П. Блос, развивая идеи теории объектных отношений для понимания подросткового возраста, показал, что важнейший и очень болезненный процесс возраста – это утрата подростком иллюзии всемогущества родительских фигур, сопровождавшей его все детство из-за той центральной роли, которую они играли в его жизни [1]. Это большая эмоциональная потеря, сопровождающаяся чувством «объектного голода», опустошенности, отчужденности. Как правило, этот процесс не осознается.

Многочисленные трансформации подросткового возраста ставят вопрос о нахождении тех ресурсов, которые помогут подростку сохранить чувство психологической безопасности и определенный уровень психологического благополучия. Психологическое благополучие личности можно определить как сложное переживание удовлетворенности собственной жизнью, отражающее одновременно как актуальные, так и потенциальные аспекты жизни личности [13]. В качестве одного из таких ресурсов может быть представлена включенность подростка в исторический контекст собственной семьи.

Описание исследования

В представленном ниже исследовании связи между осведомленностью подростка в истории собственной семьи и уровнем его психологического благополучия приняли участие 32 подростка в возрасте 14-16 лет из средней общеобразовательной школы г. Москвы (16 девочек и 16 мальчиков). Выборка изначально гипотетически, а потом статистически была разделена на две подгруппы: подростки с высоким и низким уровнем психологического благополучия.

Исследование проводилось при помощи следующих методов.

Метод анкетирования: специально разработанная авторская анкета, дающая представление об осведомленности подростка в истории собственной семьи. В нее вошли 18 вопросов, разделенные на три блока:

- вопросы о расширенной семье (параллельные ветви семьи, например, «Назови всех родственников, которых ты знаешь», «С кем из своих родственников вы поддерживаете связь?»);
- вопросы о семье в исторической ретроспективе (многопоколенная семья, например, «Про какое количество поколений живших до тебя ты знаешь?», «Как тебе кажется, насколько ты подробно знаешь историю собственной семьи?»);
- вопросы, выявляющие отношение подростка к семейной истории (например, «Кто из предшествующих поколений является для тебя наиболее интересным и чем?», «Является ли важным для тебя изучение семейной истории?» и др.).

Метод опросников:

- шкала депрессии А. Бека;
- опросник личностной тревожности А. М. Прихожан;
- опросник психологического благополучия К. Рифф, адаптированный П. П. Фесенко и Т. Д. Шевеленковой [13]. Опросник включает четыре шкалы: «Баланс аффекта» (описывает общую эмоциональную оценку себя и собственной жизни), «Осмысленность жизни» (отражает особенности целеполагания и ценностных ориентаций личности), «Автономия» (отражает соотношение коллективистических и индивидуалистических тенденций в жизни личности), «Человек как открытая система» (отражает способность к реалистическому восприятию и интеграции нового опыта). В целом по общему показателю психологического благополучия можно судить об уровне удовлетворенности личности собственной жизнью.

На первом этапе исследования изучались особенности показателей психологического благополучия подростков, выявляемые с помощью трех указанных опросников.

Опросник психологического благополучия К. Рифф является новым для отечественной исследовательской практики и пока не имеет нормализации для подросткового возраста. Поэтому были проанализированы связи показателей данного опросника с показателями, полученными по уже известным опросникам, выявляющим уровни тревожности и депрессивности у подростков – опросником личностной тревожности А. М. Прихожан и шкалой депрессии А. Бека. (В симптомокомплекс депрессии, что важно для данного исследования, включены утрата способности к переживанию позитивных эмоций, снижение настроения и снижение удовлетворенностью собственной жизнью.)

Удовлетворенность жизнью в целом связана с показателями тревожности и депрессивности. В результате корреляционного анализа (коэффициент корреляции Спирмена) были получены значимые связи между тремя методиками, что говорит о возможности использования опросника К. Рифф для изучения психологического благополучия у подростков. Например, общий результат по шкале депрессии (а также и по его отдельным шкалам) имеет сильную положительную связь при уровне

значимости $p \leq 0,01$ со шкалой «Баланс аффекта» и с общим результатом по опроснику психологического благополучия. Также общие результаты по этому опроснику имеют умеренную положительную связь со всеми шкалами опросника личностной тревожности (при уровне значимости $p \leq 0,05$).

Общая картина распределения результатов по опроснику психологического благополучия К.Рифф отражена на рис. 1, на котором видно, что большинство подростков характеризуется средними значениями психологического благополучия.

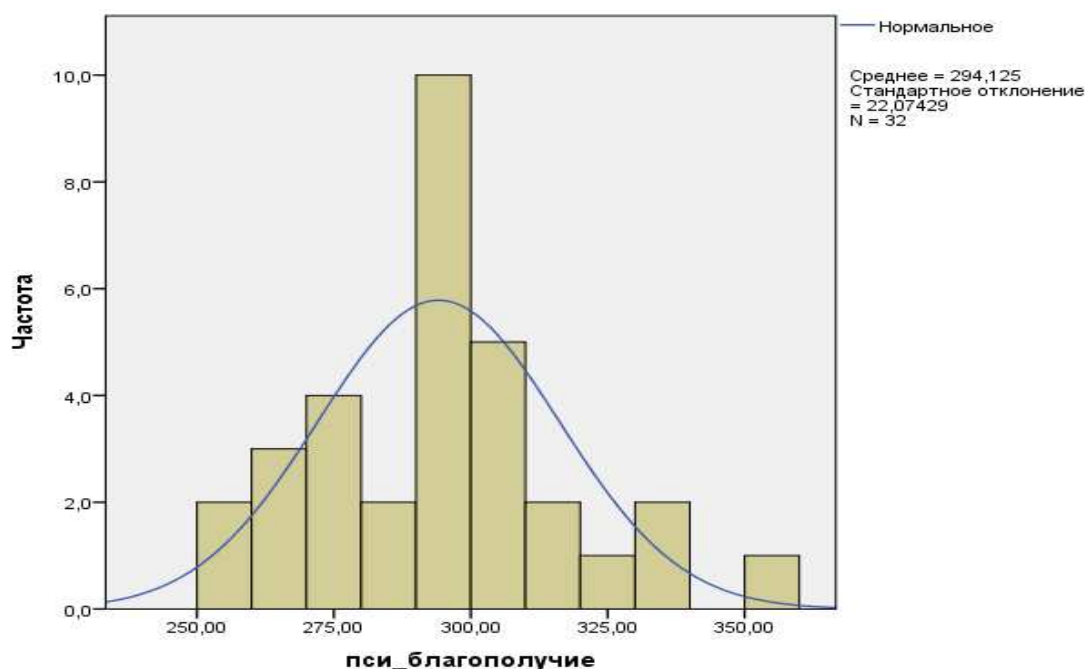

Рис. 1. Распределение результатов опросника психологического благополучия.

На основании того, что связь опросника психологического благополучия со шкалой депрессии Бека оказалась теснее, чем с опросником личностной тревожности, по результатам этих двух методик общая выборка была разделена на две подгруппы – подростки с высоким психологическим благополучием и с низким психологическим благополучием.

С помощью критерия Манна-Уитни было выявлено (на уровне значимости $p \leq 0,05$), что две подгруппы существенно отличаются друг от друга (табл. 1).

Таблица 1. Ранговые различия между группами с высоким и низким уровнем психологического благополучия

Уровень психологического благополучия	Средний ранг
Высокий	21,13

Низкий	11,88
--------	-------

На втором этапе исследования, после разделения всей выборки на две подгруппы с низкими и высокими показателями психологического благополучия, проводился анализ данных, полученных с помощью анкеты.

В целом, для обеих подгрупп подростков характерны следующие **общие особенности** (рис. 2). Практически вся выборка представлена полными семьями, у большинства испытуемых есть кровные и двоюродные сиблинги, прародители. Прадедушки и прабабушки (четвертое поколение) присутствуют у 9 участников исследования (около четверти выборки). Контакт с третьим и четвертым поколениями поддерживает треть опрошенных подростков.

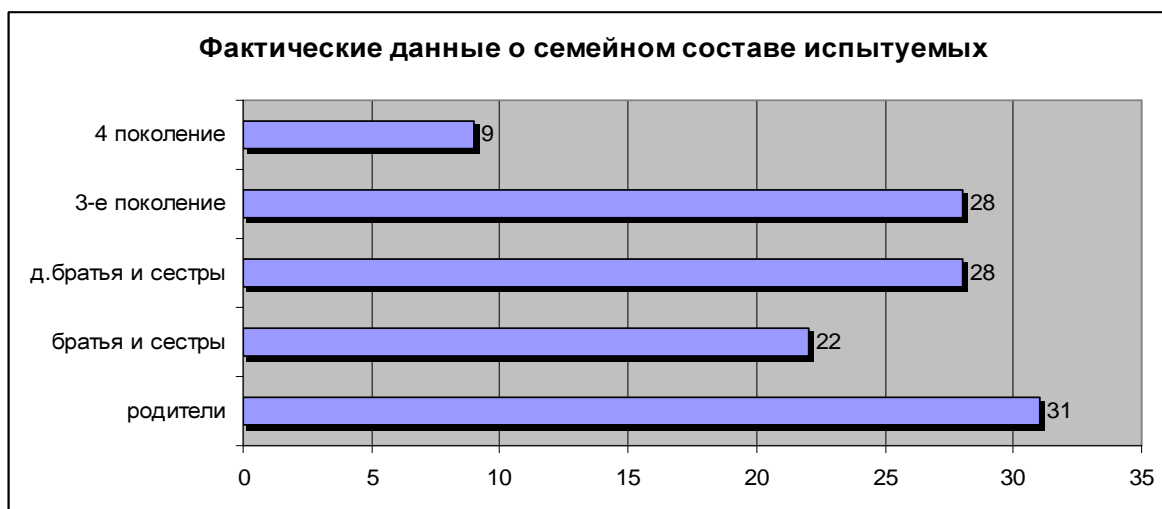

Рис. 2. Распределение данных о составе расширенных семей испытуемых

При этом осведомленность в интересах, жизненных приоритетах и проблемах своих родственников ограничивается, как правило, только самыми близкими людьми – членами нуклеарной семьи и прародителями. В связи с этим интересно, насколько подростки знают свою историю и вникают в нее. Как видно из рис. 3, большинство подростков знают о фактах истории собственной семьи в ретроспективе трех и более поколений.

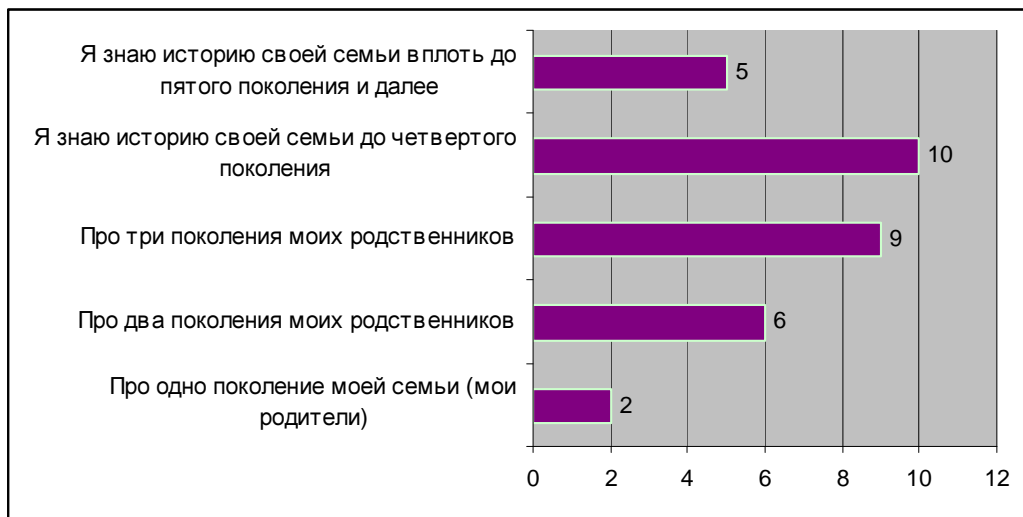

Рис. 3. Осведомленность подростков в фактах семейной истории

Хорошо и подробно осведомлены в семейной истории и событиях семьи около трети опрошенных (рис. 4).

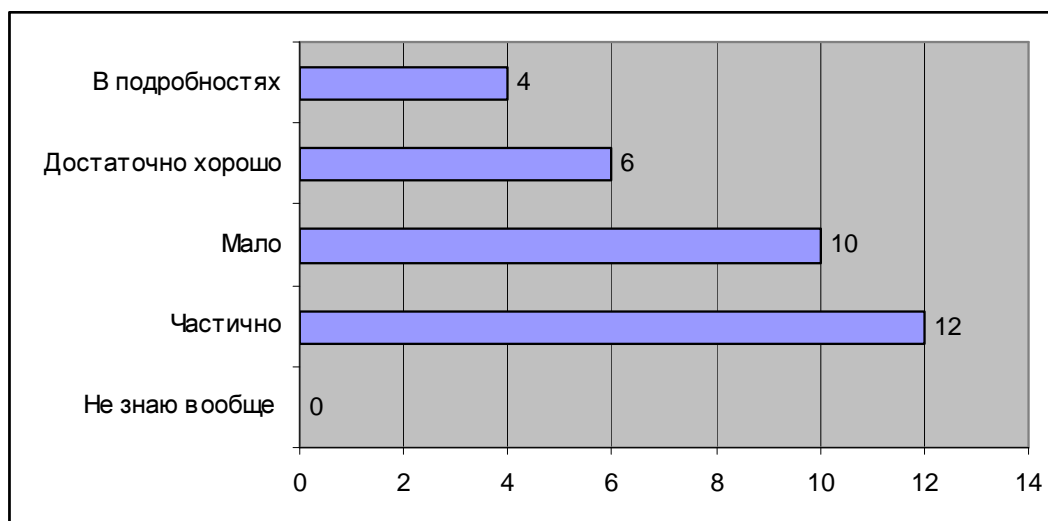

Рис. 4. Субъективная оценка степени осведомленности подростков в семейной истории

При анализе анкет подростков, разделенных на две группы высоко- и низкоблагополучных – что и являлось основной целью исследования, – удалось выявить характерные для каждой из подгрупп особенности.

Различия, касающиеся ценности для подростков семейной истории и уровня осведомленности в ней заключается в том, что высоко благополучные имеют

большее желание контактировать с членами расширенной семьи, уделять больше времени и внимания 3-му и 4-му поколениям, интересуются уже ушедшими поколениями своей семьи. Тогда как у группы со сниженным уровнем психологического благополучия преобладает отказ от ответов на соответствующие вопросы или же они отвечают, что не хотят ни с кем общаться больше, чем есть в настоящем (табл. 2).

Помимо этого две группы явно различаются в количестве образцов поведения, наблюдаемых в собственной семье. У группы подростков с низким уровнем психологического благополучия отмечается малое количество родственников, с которых они хотели бы брать пример. Тогда как в другой группе преобладают ответы, связанные с тем, что у подростков имеется много родственников, которых они используют в качестве моделей.

Выразительные различия между группами были получены по блоку вопросов, связанных с межпоколенческой передачей, и вопросов, направленных на знание и ценность семейной истории (табл. 2, вопросы 12, 17, 18). Ответы на вопросы, связанные с семейной историей, показывают, что подростки из группы с высокими показателями психологического благополучия знают семейную историю и проявляют интерес к ней. В группе с низкими показателями психологического благополучия знание семейной истории носит фрагментарный, случайный характер, а отношение к ней чаще безразличное.

Таблица 2. Сравнение наиболее часто встречающихся ответов по Анкете осведомленности в семейной истории у подростков, различающихся уровнем психологического благополучия

Наиболее часто встречающиеся ответы на вопросы	Низко благополучные	Высоко благополучные
<i>Вопрос №7.</i> С кем из членов семьи хотелось бы общаться больше?	Ни с кем – 60% Один родственник – 40%	Нуклеарная семья и вся расширенная – 100%
<i>Вопрос №9.</i> Есть ли такие люди в истории семьи, с которых бы ты хотел(а) брать пример?	Есть родственники, с которых я беру пример, но их немного – 80%	Есть много родственников, с которых я беру пример – 60%
<i>Вопрос №12.</i> Как тебе кажется, насколько ты подробно знаешь историю семьи?	Знаю мало – 80%	Знаю в подробностях – 60%
<i>Вопрос №17.</i> Остались ли в вашей семье какие-либо ценности от предыдущих	Ценных вещей немного, но мы их бережем – 80%	Много таких вещей и мы их тщательно оберегаем – 80%

поколений (фотографии, награды и прочее)? Если да, то насколько вам важно хранить эти вещи?		
<i>Вопрос №18.</i> Является ли важным для тебя изучение семейной истории?	Частично знаю историю своей семьи – 60%	Горжусь своей семьей и знаю историю семьи в подробностях – 80%

Таким образом, на небольшой выборке подростков обнаружена тенденция связи психологического благополучия с осведомленностью в собственной семейной истории. Для психологически благополучных подростков характерны регулярные и неформальные контакты с представителями расширенной семьи, переживание ценности семейной истории и направленность на ее изучение.

Литература

1. Блос П. Психоанализ подросткового возраста / М., 2010.
2. Бэйкер К. Гиппенрейтер Ю.Б. Влияние сталинских репрессий конца 30-х годов на жизнь семей в трех поколениях // Вопросы психологии. 1991. № 6.
3. Бэйкер К., Варга А.Я. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика / М., 2012.
4. Варга А.Я Введение в системную семейную психотерапию / М., 2012. 182 с.
5. Гольжак де В. История в наследство: семейный роман и социальная траектория / М., 2003.
6. Карabanова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие / М., 2005.
7. Медведев С.Э. Трансгенерационные процессы при психической травме [Электронный ресурс] // Журнал практического психологии и психоанализа. 2010. №4. Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20030409>. Дата обращения: 24.06.2014.
8. Сельвини-Палаццоли М., Босколо Л., Чеккин Д., Прата Д. Парадокс и контрпарадокс: новая модель терапии семьи, вовлеченной в шизофреническое взаимодействие / М., 2010.
9. Солоед К.В. Психологические последствия репрессий 1917-1953 годов в судьбах отдельных людей и в обществе [Электронный ресурс] // Журнал практического психологии и психоанализа. 2010. №4. Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20030409>. Дата обращения: 24.06.2014.

10. Тимофеева М.Н. Травма прошлого (сталинского режима) в клиническом материале российских пациентов [Электронный ресурс] // Журнал практического психологии и психоанализа. 2010. №4. Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20030409>. Дата обращения: 24.06.2014.
11. Хамитова И.Ю. Межпоколенные связи: влияние семейной истории на личную историю ребенка [Электронный ресурс] // Журнал практического психологии и психоанализа. 2003. №4. Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20030409>. Дата обращения: 24.06.2014.
12. Хамитова И.Ю. Семейная история: влияние на переживание женщиной беременности и родов // Консультативная психология и психотерапия. 2001. №3. С. 125-151.
13. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. №3.
14. Шутценбергер А.А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы / М., 2011.
15. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольска И.М. Семейный диагноз / Спб., 2003.

Awareness in the family history as a factor of psychological well-being in adolescents

Ya. A. Bondarenko, undergraduate student, Moscow state university of psychology and education, mail_93@mail.ru

T. V. Yakimova, Ph.D., Moscow state university of psychology and education, tyackimova@yandex.ru

---

The article presents the research results on correlation between teenagers' psychological wellbeing and their awareness of their own family history. The authors give a brief overview of the main trends and certain empirical studies on the impact of family history on psychological wellbeing of the individual. The present study focuses not on the destructive influence of the family history, but on its supporting effect in coping with difficulties of teenage age (adolescence). The empirical part of the study is based on the data, obtained by using a specially designed questionnaire, revealing teenager's links with his extended family and his knowledge of the family history.

Keywords: family history, M. Bowen's systems theory of the family, psychological well-being, adolescence.

Literature

1. *Blos P.* Psihoanaliz podrostkovogo vozrasta / M., 2010.
2. *Beiker K.* Gippenreiter Yu.B. Vliyanie stalinskih repressii konca 30-h godov na jizn' semei v treh pokoleniyah // Voprosy psihologii. 1991. № 6.
3. *Beiker K., Varga A.Ya.* Teoriya semeinyh sistem Myurreya Bouena: Osnovnye ponyatiya, metody i klinicheskaya praktika / M., 2012.
4. *Varga A.Ya* Vvedenie v sistemnyuyu semeinuyu psihoterapiyu / M., 2012. 182 s.
5. *Gol'jak de V.* Istoriya v nasledstvo: semeinyi roman i social'naya traektoriya / M., 2003.
6. *Karabanova O.A.* Psihologiya semeinyh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya: Uchebnoe posobie / M., 2005.
7. *Medvedev S.E.* Transgeneracionnye processy pri psihicheskoi travme [Elektronnyi resurs] // Jurnal prakticheskogo psihologii i psihoanaliza. 2010. №4. Rejim dostupa: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20030409>. Data obrascheniya: 24.06.2014.

8. *Sel'vini-Palaccoli M., Boskolo L., Chekkin D., Prata D.* Paradoks i kontrparadoks: novaya model' terapii sem'i, вовлеchennoi v shizofrenicheskoe vzaimodeistvii / М., 2010.
9. *Soloed K.V.* Psihologicheskie posledstviya repressii 1917-1953 godov v sud'bah ot del'nyh lyudei i v obschestve [Elektronnyi resurs] // Jurnal prakticheskogo psihologii i psihoanaliza. 2010. №4. Rejim dostupa: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20030409>. Data obrascheniya: 24.06.2014.
10. *Timofeeva M.N.* Travma proshlogo (stalinskogo rejima) v klinicheskom materiale rossiiskih pacientov [Elektronnyi resurs] // Jurnal prakticheskogo psihologii i psihoanaliza. 2010. №4. Rejim dostupa: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20030409>. Data obrascheniya: 24.06.2014.
11. *Hamitova I.Yu.* Meypokolennye svyazi: vliyanie semeinoi istorii na lichnyuyu istoriyu rebenka [Elektronnyi resurs] // Jurnal prakticheskogo psihologii i psihoanaliza. 2003. №4. Rejim dostupa: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20030409>. Data obrascheniya: 24.06.2014.
12. *Hamitova I.Yu.* Semeinaya istoriya: vliyanie na perejivanie jenshinoi beremennosti i rodov // Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. 2001. №3. S. 125-151.
13. *Shevelenkova T.D., Fesenko P.P.* Psihologicheskoe blagopoluchie lichnosti // Psihologicheskaya diagnostika. 2005. №3.
14. *Shutcenberger A.A.* Sindrom predkov: transgeneracionnye svyazi, semeinye tainy, sindrom godovschiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie genosociogrammy / М., 2011.
15. *Eidemiller E.G., Dobryakov I.V., Nikol'ska I.M.* Semeinyi diaгноz / Spb., 2003.